

Джим Кармин оцепенел. Холодная судорога пробежала от макушки до самых пят.

Он хватал ротом воздух, сипя и отдуваясь точно придушенный гусь, но так и не сумел выдавить ни единого слова. Даже его тщательно уложенные бриолином волосы как-то безжизненно обмякли, засалившись и обнажив дешевый, грязный блеск.

Лицо обвинителя Лу, сидевшего за своим столом, тоже превратилось в чистый лист. Какое-то время он ошарашенно переводил взгляд с Гу Яня на свидетельскую трибуну и обратно.

В этот миг Лу горько, до зубовного скрежета пожалел, что не удосужился перепроверить со свидетелем каждую мелочь перед процессом. Точнее сказать, готовя свидетеля к заседанию, он расписал ему кучу правил, предостерег от сотен потенциальных ловушек, но почему-то упустил из виду самое очевидное.

Мертвая тишина царила в зале суда секунды четыре или пять, а затем помещение буквально взорвалось.

Опомнившись от шока, галерка дружно зашумела. Люди на трибунах для публики подались вперед, во все глаза разглядывая свидетеля и вполголоса переговариваясь. Этот гул, заполнивший каждый уголок зала, забивался Джиму Кармину в уши, не позволяя разобрать ни единой членораздельной фразы. Его лицо налилось густой краской, а щеки из-за многолетнего пьянства и вовсе приобрели багрово-синюшный оттенок.

— Я... — Кармин открыл рот, растерянно озираясь по сторонам. Земля явно уходила у него из-под ног. — Но... я...

Гу Янь выждал еще немного, но никаких внятных объяснений так и не последовало. Адвоката это ничуть не удивило. Он небрежным жестом бросил лист обратно на стол, и электронный документ мгновенно свернулся.

— К сожалению, вразумительного ответа я так и не дождался, — холодно констатировал Гу Янь. — В таком случае имею ли я право усомниться в ваших мотивах?

Эти слова он произнес абсолютно спокойно.

Собственно, на протяжении всего процесса Гу Янь держался подчеркнуто невозмутимо. Никакого пафоса, никакой наигранной драмы, никаких заигрываний с интонацией ради дешевого эффекта. Он оставался ледяным от начала и до конца, что идеально сочеталось с его прохладным, ровным голосом.

При желании Гу Янь мог бы разложить мотивы Джима Кармина по полочкам — и любого из этих вариантов хватило бы, чтобы свидетель окончательно сломался прямо на трибуне.

Но тратить слова впустую не имело смысла.

Как когда-то говаривал один человек: если хочешь в чем-то убедить присяжных или просто сомневающихся людей, лучше протянуть им фитиль и позволить самим поднести спичку, чем разжевывать готовые выводы.

В толпе уже вовсю множились самые разные догадки. Одни шушукались, что Кармин сам приложил руку к убийству, а лжесвидетельствовал лишь ради того, чтобы отвести от себя подозрения и подставить мальчишку. Другие резонно предполагали более приземленный сценарий: беспросветного пропойцу никто никогда не воспринимал всерьез, считая его треплом и пустомелей. И тут вдруг выдался шанс почувствовать себя важной птицей — да еще какой! От его показаний зависела чужая судьба. Стоило ему взойти на трибуну, как весь зал затихал, ловя каждое слово. Подобное внезапное признание собственной значимости — наркотик для уязвленного самолюбия, способный потешить любую, даже самую дешевую гордыню.

И мысли эти, разумеется, крутились в головах не только у праздной публики, но и у присяжных. Обвинитель Лу обреченно скосился на возвышение, где восседали члены коллегии. Господа присяжные негромко переговаривались, на их лицах читалась суровая серьезность, плавно переходящая в брезгливость.

Лу тихо отвернулся. В этот момент он отчетливо осознал: над их обвинительным делом вспыхнули огромные неоновые буквы: «НАМ КОНЕЦ».

Джима Кармина, распинаемого десятками недоверчивых и презрительных взглядов, швырнуло из зенита славы в бездну позора. От столь стремительного падения у него закружилась голова, ноги сделались ватными.

И как назло именно в этот момент судья Мюррей Лю с грохотом опустил судейский молоток.

— Соблюдайте тишину! — зычно потребовал он.

От этого резкого звука Кармин вздрогнул всем телом, закатил глаза и едва не грохнулся в обморок прямо на трибуне.

Обычно в судах округа Декама при столь очевидном провале ключевого свидетеля обвинения защита в лице Гу Яня незамедлительно заявляла бы ходатайство о вынесении прямого вердикта. И в девяти случаях из десяти судья пошел бы навстречу, закрыв дело в пользу ответчика.

Однако старик Мюррей Лю явно лоббировал чужие интересы. Ходатайство защиты он отклонил без колебаний.

Судья лишь распорядился, чтобы приставы увели полубоморочного Джима Кармина для последующего разбирательства, после чего с невозмутимым видом приказал продолжить слушание, будто ничего экстраординарного не произошло.

Пока старый лис стучал молотком, сидевший позади Гу Янь Янь Суйчжи снова зашуршал бумагой.

Бывший декан юридического факультета и некогда адвокат высшего класса, вальяжно закинув ногу на ногу и изогнув бровь, увлеченно рисовал на полях блокнота... болотную черепаху.

Портрет вышел на редкость абстрактным и вопиюще небрежным.

Тяжелее всех приходилось Джошуа Даллеру, съездившему на скамье подсудимых. Парень чувствовал себя ощипанным цыпленком, которого еще десять минут назад прижимали к разделочной доске, примеряясь, как поудобнее снести топором голову. И вот, когда топор уже занесли, явился спаситель, вырвал оружие и подарил надежду на спасение.

Но стоило цыпленку коснуться земли и сделать пару шагов на дрожащих лапах, как его бесцеремонно сцапали вновь.

Джошуа мысленно опять водрузил шею на плаху. Жизнь казалась ему беспросветным, гребаным дерьмом. Раз уж судьба так упорно не желает оставлять его в покое, значит, ловить тут нечего. Сейчас он чувствовал, что по самые плечи увяз в тюремной камере, и лишь голова его пока безнадежно бьется на свободе.

Впрочем, ни Гу Янь, ни Янь Суйчжи иллюзий на этот счет не питали и были полностью готовы к подобному исходу.

После того как ходатайство отклонили, суд перешел к стадии представления доказательств защитой. Гу Янь, сохраняя олимпийское спокойствие, провел пальцем по сенсорной панели. Огромный голографический экран в центре зала тут же сменил картинку — на нем появилась таблица криминалистической экспертизы следов, подготовленная трасологами.

По предварительному запросу на трибуну поднялся судебный эксперт-трасолог, готовый ответить на вопросы защиты.

— Судебный эксперт Чэнь? — обратился к нему Гу Янь.

— Да, это я.

— Данный отчет о трасологической экспертизе составлен и направлен лично вами?

Чэнь кивнул:

— Совершенно верно.

— В документе все изложено предельно ясно, — продолжил Гу Янь. — Тем не менее, во избежание недоразумений, мне необходимо уточнить у вас несколько деталей.

— Разумеется, спрашивайте.

— Вторая страница отчета, третья строка, — зачитал адвокат. — «Полная длина отпечатка обуви — двадцать семь с половиной сантиметров. Длина подметки — четырнадцать с половиной сантиметров при ширине девять и три десятых сантиметра. Длина геленка — шесть и три десятых сантиметра при ширине шесть сантиметров. Длина каблука — шесть и шесть десятых сантиметра при ширине шесть сантиметров. Исходя из характера износа подошвы и сопутствующих следов на месте происшествия, толщина каблука составляет приблизительно полтора сантиметра».

Гу Янь выделил цитируемый фрагмент лазерной указкой на голограмме, помогая присутствующим сориентироваться в цифрах.

— Могли ли в эти расчеты закрасться погрешности?

Чэнь покачал головой:

— Исключено. Слепок отпечатка, поступивший в наш отдел, был безупречного качества. Единственный параметр, где допускается минимальное отклонение — это толщина каблука.

— Каков размер этой погрешности?

— В пределах пяти сотых сантиметра в ту или иную сторону, — эксперт пожал плечами и добавил: — Слишком ничтожная величина, чтобы хоть как-то повлиять на итоговый анализ следа.

— Вы абсолютно уверены, что предел погрешности именно таков?

— Абсолютно.

Гу Янь молча кивнул.

Обвинитель Лу нахмурился.

Этот легкий кивок адвоката почему-то заставил сердце прокурора тревожно сжаться. Как правило, когда защита цепляется к отпечаткам обуви, все споры сводятся к попыткам вычислить примерный рост подозреваемого.

И если бы Гу Янь пошел по этому пути, Лу бы даже не вздрогнул. Рост, вычисленный по размеру обуви — штука весьма условная, там всегда закладывается солидный допуск. Судья и присяжные прекрасно об этом знают, так что раздуть из этого сенсацию у защиты бы не вышло.

Но почему этот парень вцепился именно в толщину каблука? Что за идиотский ход?

Гу Янь тем временем снова коснулся пульта управления. На голографическом экране наконец появились новые улики, которые они с Янь Суйчжи разыскали за последние дни.

Он выбрал первую запись из стопки видеоматериалов — ту самую, что была снята камерой закусочной с бараньими ребрышками, — и перемотал ее на отметку «19:55» от двадцать третьего числа.

Присутствующие в зале задрали головы. На экране в мутном от пара окне дома Китти Белл промелькнула верхушка чьей-то головы. Из-за конденсата рассмотреть детали было невозможно.

Поставив запись на паузу, Гу Янь наложил этот кадр прямо на трехмерную карту старого города, развернув ее в режиме поперечного сечения. На схеме загорелись две красные точки: одна отмечала объектив камеры в закусочной, вторая — макушку подозреваемого в окне Китти Белл в момент совершения преступления.

— Скажем спасибо современным технологиям, — ровным голосом произнес Гу Янь. — На этой схеме зафиксированы абсолютно все расстояния и высоты. Господин эксперт, полагаю, пользуясь этими точными координатами, вы без труда вычислите, каким минимальным ростом должен обладать человек, чтобы его макушка оказалась видна поверх всех имеющихся препятствий?

Разумеется, вручную ничего считать не требовалось. Интерактивная карта позволяла получить результат в один клик.

Трасолог Чэнь невольно коснулся сенсорного экрана на своей трибуне. Красный маркер на голограмме мигнул, и рядом с ним высветилась строчка данных: «182,3 см. Погрешность: $\pm 0,2$ см».

Гу Янь опустил взгляд на свои документы и вывел на экран личное дело Джошуа Даллера, включая его карту учета из следственного изолятора.

— Мой подзащитный, Джошуа Даллер, имеет чистый рост ровно сто семьдесят шесть сантиметров. Это официальные данные, зафиксированные при его поступлении в изолятор, — Гу Янь негромко шуршал листами дела, и от его ледяного тона у присутствующих мороз шел по коже. — Даже если мы прибавим к этому росту те самые полтора сантиметра подошвы из заключения экспертизы следов, мы не получим и близко ста восьмидесяти двух сантиметров.

Он поднял глаза на свидетеля:

— Скажите, господин эксперт, кто же из вас сфальсифицировал данные? Администрация изолятора или ваш отдел трасологии?

Чэнь лишился дара речи.

Да и что он мог возразить? Любые лазейки, любые дежурные отговорки насчет «возможных погрешностей» Гу Янь расчетливо и хладнокровно перекрыл еще в самом начале допроса.

В зале суда вновь повисла оглушительная тишина.

Которая ровно через пять секунд взорвалась таким шквалом голосов, по сравнению с которым давешний шум показался лишь легким шепотом.

Зажатый в узкой стеклянной кабине Джошуа несколько секунд сидел неподвижно, а затем резко выпрямился. Он растерянно смотрел на своего адвоката, отказываясь верить собственным ушам.

Какое-то время парень словно парил в невесомости, и лишь когда его бешено колотящееся сердце наконец вернулось в грудную клетку, а к онемевшим чувствам прилила реальность, сквозь пелену донесся стук судейского молотка.

Окруженный неопровержимыми фактами и прижатый к стене общественным давлением, судья Мюррей Лю с каменным лицом вынужден был обратиться к присяжным за вердиктом.

— Итак, дамы и господа, — Мюррей Лю тяжело обвел взглядом коллегию. — Пришли ли вы к согласию?

Все до единого взоры скрестились на трибуне присяжных. Джошуа казалось, что кровь застыла в его жилах. В жизни он не испытывал подобного ужаса — сейчас на весы было брошено все его будущее.

Старейшина коллегии присяжных в наступившей тишине медленно кивнул:

— Да, Ваша честь. Мы приняли решение.

— Виновен или невинен? — выдавил Мюррей Лю.

В зале, где люди боялись сделать лишний вдох, прозвучал твердый, уверенный голос старшего присяжного, разнесшийся под самыми сводами:

— Невинен.

Освободить в зале суда.

<http://bllate.org/book/18278/1751049>